

ИССЛЕДОВАНИЯ
RESEARCHES

УДК 1.167.1

DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-3-0-1

Тоичкина А. В. | Эмпирический метод в оценках Н.Н. Стрехова

Санкт-Петербургский государственный университет,
Университетская наб. д. 7-9, Санкт-Петербург, 199034, a.toichkina@spbu.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема философского метода, разработанного Н.Н. Стреховым. Проблема исследуется на материале работ Стрехова, посвященных И. Тэну. Стрехов разработал оригинальный метод, в основу которого он положил диалектическое взаимодействие рационального и эмпирического способов познания. Сложность осмысления оригинального вклада философа в историю русской философии состоит в противоречивом соотношении подхода и методов исследования. Так, он ставил перед собой задачи религиозно-философского осмысления целостности мира, используя и рациональный, и эмпирический методы. При этом приемы метода в его работах зачастую были скрыты под формами исследуемого предмета. Эмпирический метод в сочинениях Стрехова играет важную роль. Философу был чужд эмпиризм в узком смысле этого слова. Тем не менее, для него принципиальным моментом в оценке истины являлся конкретный опыт познания явлений этого мира, в самом строе которого он находил свидетельства участия высших сил. Работы Стрехова о Тэне наглядно показывают и религиозно-философское переосмысление эмпирических приемов наблюдения, и эволюцию отношения Стрехова к эмпирическому методу. Попытка Стрехова преодолеть противоречие между рационализмом и эмпиризмом (особенно показателен в этом смысле трактат Стрехова «Мир как целое») дала толчок развитию русской философии всеединства, в частности, в трудах С.Л. Франка.

Ключевые слова: Н.Н. Стрехов; И. Тэн; эмпиризм; философия; религия

Для цитирования: Тоичкина, А. В. (2026), «Эмпирический метод в оценках Н.Н. Стрехова», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 12(3), 5-13. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-3-0-1

A. V. Toichkina | The Empirical Method in N.N. Strakhov's Assessments

Saint Petersburg State University,
7-9 Universitetskaya Emb., Saint Petersburg, 199034, Russia; a.toichkina@spbu.ru

Abstract. The article discusses the problem of the philosophical method developed by N.N. Strakhov. The problem is investigated on the basis of Strakhov's works on H. Taine. Strakhov developed an original method based on the dialectical interaction of rational and empirical methods of cognition. The difficulty of understanding the philosopher's original

contribution to the history of Russian philosophy lies in the contradictory relationship between the approach and research methods, as he set himself the task of religious and philosophical understanding of the integrity of the world, using both rational and empirical methods. At the same time, the techniques of the method were often concealed within the forms of the subject under investigation in his works. The empirical method plays an important role in Strakhov's writings. It is clear that the philosopher was not an empiricist in the narrow sense of the word. However, for him, the fundamental aspect of evaluating truth was the specific experience of understanding the phenomena of this world, in which he found evidence of the involvement of higher powers. Strakhov's works on Taine clearly demonstrate both the religious and philosophical reinterpretation of empirical methods of observation and the evolution of Strakhov's attitude towards the empirical method. Strakhov's attempt to overcome the contradiction between rationalism and empiricism (especially evident in his treatise *The World as a Whole*) gave rise to the development of Russian philosophy of all-unity, particularly in the works of S.L. Frank.

Keywords: N.N. Strakhov; H. Taine; empiricism; philosophy; religion

For citation: Toichkina, A. V. (2026), "The Empirical Method in N.N. Strakhov's Assessments", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 12(3), 5-13. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-3-0-1

Известный ученый, философ, критик, писатель Н.Н. Страхов (1828–1896) был сторонником выверенных подходов и отработанной методологии в сфере естественных и гуманитарных наук. Для него критерием истины являлся продуманный синтез дедуктивных установок и апробированных на конкретном материале индуктивных методов. Так, в 1893 г. он писал: «Всякий успех в понимании научных методов есть драгоценное умственное приобретение, ибо подвигает нас в познании метода вообще, тех коренных приемов мысли, особую форму или частный вид которых составляет метод каждой частной науки» (Страхов, 1896: 130-131).

Эмпирический метод занимает важное место в научных трудах ученого, что связано с естественнонаучным образованием (как известно, в 1851 г. он окончил в Санкт-Петербурге физико-математическое отделение Главного педагогического института, а в 1857 г. защитил магистерскую диссертацию по зоологии «О костях запястья млекопитающих»)¹. Конечно, естественнонаучное направление деятельности Страхова было связано, с одной стороны, с веяниями времени, с другой – с типом мышления самого ученого. Не случайно эмпирический метод оставался для него актуальным на протяжении почти трех с половиной десятилетий его деятельности, при всем разнообразии тем и направлений, которые он разрабатывал².

Е.Н. Мотовникова пишет, что «талант и любознательность, трудолюбие и опыт исследований в естественнонаучной и философской парадигмах позволили Н.Н. Страхову стать выдающимся методологом и философом науки, намного опередившем свое время» (Мотовникова, 2013: 125).

Оригинальность метода, разработанного Страховым, состояла в попытке преодолеть противоречие между рациональным и эмпирическим методами, которые он использовал для решения религиозно-философских задач. Так, в известном своем трактате «Мир как целое»

¹ О значении науки в целом в биографии и трудах Страхова пишет В.А. Фатеев (Фатеев, 2021: 93-124). См. также: (Снетова, 2013: 11-45).

² О понимании Страховым эмпирического метода пишет Н.В. Снетова (Снетова, 2010: 133-148).

Страхов писал: «Все значение моей книги состоит в том, что она идет против эмпиризма, пытается вносить мышление в приемы изучения природы. <...> я желаю стоять за одно в моей книге: за философский метод *ставить и развивать понятия*. В этом методе вся тайна умознания. Чем кто способнее им владеет, тем больше он заслуживает имени человека философствующего. Чем точнее и правильнее этот метод прилагается, тем несомненное озаряется всякий предмет исследования» (Страхов, 2007: 76). Сам Страхов отдавал себе отчет, что его религиозно-философский трактат написан на естественнонаучном материале таким образом, что «приемы метода здесь как бы скрыты под формами исследуемого предмета». Но для него «такое слияние предметов с методом» всегда представлялось «самым лучшим средством неотразимо убедить и себя и читателей» (Там же). Такой метод приводит, по мысли Страхова, к тому, что «исследование <...> может двигаться безгранично и во все стороны и в то же время будет постоянно иметь под собой твердую почву» (Там же). В.А. Фатеев пишет, что Страхов, «отдавая должное естественным наукам, <...> занимался не столько популяризацией все новых и новых открытий, сколько философским осмыслением возможностей познания и пределов эмпирической науки, а также борьбой против позитивистской подмены философии сциентизмом» (Фатеев, 2021: 97).

Проблема эта не была новой в истории философии. Первое систематическое свое обоснование эмпиризм получил в философских трудах английского мыслителя Фр. Бэкона в начале XVII в. Именно Бэкон разработал теорию научной индукции, которая предполагала определенные правила собирания, наблюдения и классификации явлений природы. Затем Дж. Локк предложил свою систематическую теорию эмпиризма. Он выступил против учения Р. Декарта и его последователей о «врожденных» идеях и истинах. В XIX в., в условиях бурного роста науки, теории эмпиризма развивали Дж.-Ст. Милль, Э. Мах и Р. Авенариус.

Развитие эмпиризма привело к отрицанию объективной ценности общего знания. В истории философии уже было доказано (в частности, в трудах Канта), что общее знание начинается с опыта, но формируется путем подчинения единичного наблюдения форме понятия и, соответственно, выходит за рамки опыта. В силу этого эмпиризм оказался в сложном отношении к рационализму. Как пишет С.Л. Франк, «Эмпиризм хочет понять истинное бытие только как совокупность единичных явлений и событий, протекающих во времени. Рационализм хочет мыслить бытие, как логическую систему идей, т. е. как вневременное бытие общих содержаний. В действительности, ни та, ни другая система не может охватить бытие в целом и быть осуществлена непротиворечиво, как универсальная система. <...> Абсолютное бытие не есть ни единичное, чисто иррациональное явление жизни, ни голая идея, а есть неразрывное единство жизни и идеи» (Франк, 1922: 43-44). Так и Страхов, как пишет Н.В. Снетова, был «не согласен с бытовавшей в эпистемологии точкой зрения, что эмпиризм и рационализм – это два метода, взаимно исключающие друг друга. В своей философии науки методолог стремился обосновать единство этих методов, в частности, применяя метод доказательства “от противного”» (Снетова, 2010: 136).

Страхов в разработке своего метода использовал диалектику противоречия между рационализмом и эмпиризмом. В апреле 1893 г. он писал Н.Я. Гроту: «Я гегельянец, и чем дольше живу, тем тверже держусь диалектического метода: между тем никто его себе не усвоил, и потому не понимает, чего я хочу и на чем стою. Все становятся куда попало, на точки очень частные и очень низменные, – мне это и скучно и трудно, когда приходится меняться мыслями. Вы, например, объявили меня картезианцем. Почему же? Ведь я исповедую, что всякая философия есть степень или момент в той, которой я держусь. Декарт больше кого бы то ни было подходит под это понятие, только для того и стоит его изучать. <...> Истину нашел уже Платон: она состоит в том, что есть Бог и что высшее действие нашей мысли – подниматься к Богу» (Грот, 2021: 144-145). Далее Грот объясняет феномен гегельянства Страхова: «Нельзя никак назвать его приверженцем философской системы Гегеля в ее целом.

Он сам допускает “несовершенство” этой системы, “ошибочность” некоторых ее положений. Но он считает “безукоризненной” ее *форму*, “устойчивым” ее дух, “неопровержимым” ее *диалектический метод*, “неприкосновенною” ее *сущность*. А сущность ее, по Страхову, в том, что “она дает ключ к пониманию всех других систем, совмещает их в себе, что к ней с равным правом можно применить всевозможные названия: она и *эмпиризм*, и *скептицизм*, и абсолютный *идеализм*, а главное – истинный *рационализм*”» (Грот, 2021: 145).

К трудам, в которых Страхов предлагает свою разработку философского метода, можно отнести такие его монографии, как «О методе естественных наук и значении их в общем образовании» (СПб., 1865); «Мир как целое. Черты из науки о природе» (СПб., 1872), «Об основных понятиях психологии и физиологии» (СПб., 1886); статьи о Бэконе Вереуламском и Клоде Бернаре («Отечественные записки», 1866-1867 гг.), статьи об английской психологии и Дарвине («Отечественные записки», 1869, «Заря», 1870). Значимы оказались и его переводы сочинений Куно Фишера, А. Брема, К. Бернара, И. Тэна, Ф.А. Ланге. И в этих трудах «приемы метода» у него остаются как бы скрытыми «под формами исследуемого предмета», но именно использование в диалектическом взаимодействии приемов рационалистического анализа эмпирического материала остается тем внутренним двигателем, который позволяет подчинить сферу естественнонаучных наблюдений религиозно-философским задачам мысленного восхождения к Богу.

В рамках данного исследования хотелось бы остановиться на осмыслении Страховым проблем эмпирического метода в науке в ряде его сочинений об Ипполите Тэне.

Ипполит-Адольф Тэн (1828–1893) – французский философ, историк, критик, один из основоположников и крупнейших теоретиков культурно-исторической школы. Как пишет П.Р. Заборов, «Тэн оставил после себя обширное творческое наследие: его перу принадлежит более двух десятков книг и трехсот статей. Сочинения его многократно переиздавались и переводились на иностранные языки, способствуя всевозможным исканиям и открытиям в различных сферах научной и художественной жизни Франции, Англии, Германии, Италии, Испании и т. д. В России Тэн получил известность на рубеже 1850-1860-х гг., и затем в течение полувека имя его не сходило со страниц русской печати» (Заборов, 1982: 227).

Первая публикация перевода сочинения Тэна в России была осуществлена Страховым. В 1861 г. Страхов опубликовал в журнале «Время» братьев Достоевских перевод статьи Тэна под заглавием «Современная английская философия. Джон Стюарт Миль и его система логики». Страхов усматривал достоинство этой «прекрасной статьи» «в изложении содержания системы логики Милья, изложении, отличающемся обыкновенным мастерством французов». Затем «Время» еще дважды обращалось к публикации трудов Тэна. Так, были опубликованы две статьи под общим названием «Литература и нравы Англии в XVIII столетии» (1862, т. VII, февраль). А затем перевод двух последних глав книги Тэна «Французские философы XIX века», в которых содержалось развернутое обоснование его метода, предполагавшего строгий детерминизм в исследовании естественнонаучном и гуманитарном («Время», т. XI, июнь, с. 182-202, переводчик В.Л. Фукс)³.

В 1871 г. Страхов написал критическую заметку на перевод «Истории английской литературы» И. Тэна А. Рябининым и М. Головиным. В дальнейшем он перевел также главный философский труд Тэна «Об уме и познании» (“De l’Intelligence”, 1870). Перевод в двух томах был издан в 1872 г., а в 1894 г. переиздан в одной книге. Переводу предшествовало «Предисловие переводчика», имевшее подзаголовок «о чисто-эмпирическом методе». Остановимся более подробно на этом предисловии, так как оно имеет свое историческое значение. Надо сказать, что с начала 1860-х гг. вокруг имени и трудов Тэна в России развернулась довольно бурная полемика. Как пишет П.Р. Заборов, «усвоение

³ См. об этом: (Заборов, 1982: 228-229)

творчества Тэна проходило у нас, как правило, в спорах и дискуссиях, подчас достигавших исключительной остроты. У Тэна было немало русских почитателей и приверженцев, но также и множество яростных врагов» (Заборов, 1982: 271). В частности, противники упрекали Тэна в отсутствии нравственного идеала, «сбивчивости» его философии, отсутствии глубоких идей, равнодушии, «полнейшем общественном индифферентизме», консерватизме (Заборов, 1982: 269). Позитивизм Тэна как подход и метод тоже вызывали критику. Очевидным образом, Страхов в своем предисловии ставил задачу защитить Тэна. И предметом его защиты в первую очередь стал метод, которому следовал в своих сочинениях французский философ.

Парадоксальность этого предисловия состоит в том, что о Тэне и его труде там практически не говорится. Тем не менее, оправдывая эмпирический метод, Страхов защищает Тэна. Он пишет: «Сочинение Тэна нам кажется особенно важным и полезным потому, что принадлежит к философскому направлению, которому нельзя не желать всяческого успеха, и которое еще мало у нас известно и оценено, несмотря на существование у нас некоторых переводов и даже самостоятельных попыток в духе этой школы. Школа эта есть английская психологическая школа, чистый эмпиризм в приложении к исследованию души» (Страхов, 1872: II).

Страхов обозначает проблему соотношения опыта и умознания в процессе познания. Он вспоминает Бэкона Веруламского, потом переходит к Локку. Он рассматривает вопрос, возможен ли метод чистого эмпиризма в принципе? Так Локк «показал, что мы самих вещей не знаем, и что то, что мы называем вещами, состоит из наших *ощущений*. Если твердо держаться опыта, то нужно сказать, что он не дает нам ни познаний о внешнем мире, ни познаний о нашей душе. Внешний мир сам по себе нам не доступен; но он производит впечатления на наши внешние чувства, и мы знаем те ощущения, которые происходят от этих впечатлений. Точно так же внутренний мир, наша душа не доступна нам в своей сущности; но, посредством некоторого внутреннего чувства, которое Локк называет *вниканием* или *рефлексией*, мы получаем ощущение процессов и явлений, совершающихся в нашей душе. <...> Таким образом изучение сущностей прекратилось; опыту подлежат только субъективные явления, не знание вещей, а знание наших внутренних состояний» (Страхов, 1872: VI). Страхов противопоставляет эмпиризм Локка как сенсуализму, так и материализму: «Материализм есть некоторое представление о сущности вещей, представление очень отчетливое и грубо-ясное. Между тем, Локк учил, что сущность вещей недоступна опыту; он превратил все наши познания в субъективные, в некоторые процессы, только возбуждаемые вещами, но для самих вещей посторонние. Идя по этому пути далее, не только нельзя было прийти к признанию вещества за корень и источник всех вещей, но можно было прямо наоборот дойти до совершенного отрицания возможности знать материальные вещи. Знать внешний мир невозможно, говорил Беркли; мы знаем только одно – наши идеи. Таков действительно вывод *чистого* опыта» (Страхов, 1872: VIII-IX).

Страхов пристально рассматривает вопрос о физиологических механизмах функционирования зрения и осязания. Чисто эмпирический метод приводит к выводу о предельной субъективности процесса познания: «Цвета и звуки, формы и размеры, пространство и время суть создание нашей души, а не что-либо объективное, не такие действительные качества и сущности, которые воспринимались бы нашею душою, как пустым вместилищем. Вот вывод чистого опыта» (Страхов, 1872: XVI). Не случайно Давид Юм «отверг реальность причинной связи явлений» (Страхов, 1872: XVII). И Страхов пишет, что «В настоящем смысле мы не знаем причины ни одного, ни самонаименованного явления, а знаем только, что это явление наступает, когда соединяются известные условия. <...> Условия ничуть не первее и не важнее того явления, которое при них возникает. Каждое явление, так сказать, само коренится в сущности вещей, и условия суть только обстоятельства, его вызывающие, а не производящие. <...> Сущности явлений опыт не берется узнать и не

спрашивает о ней; поэтому можно сказать, что каждое явление для него одинаково существенно, что, не ища сущности нигде, он тем более не может видеть ее вне того явления, которое рассматривает; скорее же он готов искать сущность каждого явления в нем самом» (Страхов, 1872: XX-XXII).

Соответственно, книгу Тэна Страхов рассматривает, как «одно из самых явных свидетельств той силы, которую получил английский эмпиризм» (Страхов, 1872: XXIII). И эмпиризму он в своем предисловии воздает хвалу: «Сам по себе эмпиризм имеет бесценные качества. Именно – результаты его вполне достоверны, не подвержены никакому колебанию. Как бы ни были тесны пределы, внутри которых он имеет силу, для всякого ищущего истины приятно найти в нем некоторую точку опоры, запас сведений, совершенно очищенных от умозрения, и следовательно, не подверженных тем вопросам и сомнениям, которыми сопровождается умозрение. Чисто-эмпирические результаты, как мы заметили, не противоречат и не могут противоречить никакому умозрительному исследованию, если оно ведется с совершенною строгостью. Но они беспощадно разбивают всякое построение, как скоро оно основано на произволе и фантазии» (Страхов, 1872: XXV).

В 1860-е гг. Страхов был увлечен не только Тэном, но и эмпирическим методом. Вопрос о сущности вещей он вроде бы оставляет открытым. Но очевидным образом для него эмпирический метод (в частности, в разработке Локка) позволяет подойти к научному описанию «логоса» вещи, о котором писали в святоотеческих трудах⁴. Грот пишет о том, что Страхов ставил вопрос о том, «что же такое дух как *реальность*, как бытие в мире действительном, помимо *идей* о нем» (Грот, 2021: 149). В эмпирическом методе он скорее всего чувствовал потенциал решения этого вопроса в области современной ему философии.

Страхов вернулся к Тэну в 1890-х гг., когда, судя по всему, его восхищение и увлечение его работами уже прошли. В третьем томе «Борьбы с Западом в нашей литературе» (последнее прижизненное издание – СПб., 1896) помещены в пятом разделе «Заметки о Тэне (1893)»: I. «Науки и позитивизм»; II. «Философия Тэна»; III. «Эстетика и психология Тэна»; IV. «История вообще»; V. «История революции». В качестве «Прибавления» там же была опубликована уже упомянутая нами «Заметка о переводе одной из книг Тэна (1871)». Возвращение к Тэну Страхова было связано со смертью французского философа: он умер 5 марта 1893 г., и это событие вызвало волну публикаций о нем в России.

Заметки Страхова помечены 16 марта 1893 г. Теперь Страхов критически оценивает Тэна и как писателя, и как философа, и как историка: «<...> успех Тэна был <...> несколько выше его достоинств и зависел от того, что это был догматик, излагавший свои мысли твердо, систематически и ясно до прозрачности» (Страхов, 1896: 123). В «Заметках» Страхов определяет Тэна как позитивиста и видит противоречие между его «узкими формулами» и талантом писателя: «Тэн был человек огромных умственных сил, с чрезвычайным

⁴ Так, прп. Максим Исповедник в своем сочинении «Вопросоответы к Фалассию» пишет: «Бог, сразу образовав, как знает Сам, логосы, смыслы [всего] происшедшего и общие сущности сущего, до сих пор еще осуществляет не только сохранение их для бытия, но и созидание, выхождение и устроение содержащихся в них в возможности частей. Кроме того, Бог через [Свой] Промысл уподобляет отдельные существа общим видам до тех пор, пока через движение отдельных существ к благобытию не объединит их произвольное стремление с [присущим им] по естеству общим смыслом разумной сущности и не сделает их тождественно движущимися и созвучными друг другу и целому так, чтобы отдельные существа не имели произвольного различия по отношению к общему виду, но чтобы единый и тот же самый смысл созерцался у всех, не будучи разделяем способами [осуществления] тех, в ком он рано сказывается, и пока Он не покажет действенной обоживающую всех благодать. Ради этой благодати Бог и Слово, став Человеком, говорит: *Отец Мой доныне делает, и Я делаю* (Ин. 5:17); Отец – благоволя, Сын – самодействуя, а Святой Дух – существенно исполняя во всех благоволение Отца и самодействие Сына, дабы через всех и во всех явился Единый в Троице Бог, соответственно созерцаемый каждым из удостоившихся этого по благодати и всеми ими вместе, подобно тому как душа пребывает по природе без уменьшения и во всем теле, и в каждом его члене» (Прп. Максим Исповедник, 2021: 39-40).

трудолюбием и ученостью и, вместе с тем, с большим даром слова, с остроумием, наблюдательностью и художественным вкусом. Понятно, что все это богатство не укладывалось в узкие рамки его философских построений и било через край, – что и дает едва ли не главную привлекательность его сочинениям. Можно сказать, действительно, что его философия иногда больше вредила его писаниям, чем приносила им пользу» (Страхов, 1896: 125). Заслугой Тэна Страхов на этом этапе считает его выход за пределы чисто эмпирического метода. Он вспоминает здесь в качестве примера статью Тэна о Милле, с которой (благодаря Страхову) началась история переводов работ Тэна в России. И в данном случае проясняет свою симпатию к этой работе Тэна: «<...> мир приводится у Тэна к некоторому единству, и признана возможность познавать его существенные элементы, – чего никак не могли допустить Конт и Милль» (Страхов, 1896: 131). В целом же Страхов оценивает философию Тэна как не имеющую «ни совершенной строгости, ни какой-нибудь полноты» (Страхов, 1896: 134). «Очевидная цель Тэна состояла в том, чтобы соединить все это с германскою метафизикою, сочетать Конта с Гегелем. Но для такого дела нужно философское обсуждение и обоснование, которого у Тэна существуют лишь небольшие зачатки» (Страхов, 1896: 136).

Критически оценивает Страхов и книгу Тэна «Первоначала современной Франции», его не устраивают и сам подход философа-историка, и выводы, к которым он приходит. Так, Страхов заключает, «что в душе человека и в истории действуют некоторые высшие силы, которых не знает или не умеет ввести в свой расчет Тэн. Разумеется, весь смысл истории изменяется для того, кто будет сознательно следить в ней за проявлением и развитием этих сил» (Страхов, 1896: 146). Отдельно останавливается Страхов на труде Тэна, посвященном Французской революции⁵ (этот труд вызвал весьма неоднозначные отклики во Франции и в России). Тэн, по замечанию Страхова, «выступил самым жестоким противником революции. <...> Он приложил к истории свой анализ, свою эмпирическую психологию, и эта история оказалась картиною ужасающих безумий и злодейств. Главное внимание он обратил <...> на внутреннее состояние Франции и на свойства действующих лиц. <...> И в первый раз открылось нам вполне зрелище тех неслыханных бедствий, безумий и злодеяний, которые перенесла Франция во время революции» (Страхов, 1896: 149). Но при этом Тэн, по наблюдению Страхова, не смог описать позитивной стороны революционных событий, он не исследует развития и действия положительных идей власти, государства, преданности отечеству. Такая оценка исторического труда Тэна была у Страхова связана не только с его консервативными воззрениями на власть и государство, но и с проблемой времени, которой он также занимался⁶. А проблема времени не разрешима средствами эмпирического метода. Тем не менее, Страхов завершает свои заметки позитивной оценкой деятельности и трудов Тэна.

В рамках данной статьи мы обратились к проблеме разработанного Страховым метода познания. Мы обозначили в рамках метода философа сложное диалектическое взаимодействие рационального и эмпирического путей познания, которое было подчинено собственно религиозно-философским задачам осмысления мира как иерархически устроенного целого. Грот по этому поводу писал: «Н.Н. Страхов имел вполне законное право пытаться совместить в своем мирозерцании прирожденный и свойственный его уму светлый рационализм с естественною для каждого не только серьезно мыслящего, но и глубоко чувствующего человека верою в непостижимость коренной основы жизни – философскую трезвость и диалектический метод мышления с искреннею, но своеобразною религиозностью» (Грот, 2021: 153). Эмпирический метод в сочинениях Страхова играет важную роль. Понятно, что философу был чужд эмпиризм в узком смысле этого слова. Тем не менее, для него

⁵ О трактовке Страховым Великой французской революции см.: (Снетова, 2010: 308-313).

⁶ Укажем на его незавершенную работу: (Страхов, 1906: 401-430).

принципиальным моментом в оценке истины являлся конкретный опыт познания явлений этого мира, в самом строе которого он находил свидетельства участия высших сил. Работы Страхова о Тэне, рассмотренные нами выше, наглядно показывают и религиозно-философское переосмысление эмпирических приемов наблюдения, и эволюцию отношения Страхова к эмпирическому методу. Разработка Страховым оригинального метода дала плоды в истории русской философии. Его попытка преодолеть противоречие между рационализмом и эмпиризмом (особенно показателен в этом смысле трактат Страхова «Мир как целое») дала толчок развитию философии всеединства, в частности, в трудах С.Л. Франка.

Литература

- Грот, Н. Я. (2021), «Памяти Н.Н. Страхова. К характеристике философского мирозерцания», *Н.Н. Страхов: pro et contra, антология*, сост. Климова, С. М., Изд-во РХГА, Санкт-Петербург, 138-155.
- Заборов, П. Р. (1982), «Ипполит Тэн в России (Материалы к истории восприятия)», *Эпоха реализма. Из истории международных связей русской литературы*, отв. ред. акад. М. П. Алексеев, Наука, Ленинград, 227-271.
- Мотовникова, Е. Н. (2013), «К метафизике метода Н.Н. Страхова», *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке*, 4, 123-130. EDN: SBCJCR
- Преподобный Максим Исповедник (2021), *Вопросоответы к Фалассию, пер. с греч. А. И. Сидоров*, Сибирская Благовонница, Москва.
- Снетова, Н. В. (2010), *Философия Н.Н. Страхова (Опыт интеллектуальной биографии)*, Пермский ун-т, Пермь. EDN: QWVZOB
- Снетова, Н. В. (2013), *Николай Страхов: Западная и русская мысль в интерпретации органициста*, Перм. гос. нац. исслед. ун-т, Пермь.
- Страхов, Н. Н. (1872), «Предисловие переводчика (о чисто эмпирическом методе)», *Тэн, И. Об уме и познании*, Перевод с французского, под ред. Н.Н. Страхова. В двух томах. Т. 1. Издание А. С. Гиероглифова, Санкт-Петербург, I-XXVII.
- Страхов, Н. Н. (1896), «Заметки о Тэне», *Страхов Н.Н. Борьба с Западом в нашей литературе. Книжка третья*, тип. С. Добродеева, Санкт-Петербург, 123-160.
- Страхов, Н. Н. (1906), «О времени, числе и пространстве», *Страхов, Н.Н. Философские очерки*, Изд. И.П. Матченко, Киев, 401-430.
- Страхов, Н. Н. (2007), *Мир как целое, черты из наук о природе*, Айрис-пресс: Айрис-Дидактика, Москва.
- Фатеев, В. А. (2021), *Н.Н. Страхов: Личность. Творчество. Эпоха*, Изд-во «Пушкинский Дом», Санкт-Петербург.
- Франк, С. Л. (1922), *Введение в философию в сжатом изложении*, Academia, Петербург.

References

- Fateev, V. A. (2021), *N. N. Strakhov: Lichnost. Tvorchestvo. Epokha*, [Strakhov: Personality, Work, and Era], "Pushkinskiy Dom" Publishing House, St. Petersburg Russia (in Russ.).
- Frank, S. L. (1922), *Vvedeniye v filosofiyu v szhatom izlozhenii*, [Introduction to Philosophy in Brief Outline], Academia, Petersburg, Russia (in Russ.).
- Grot, N. Ya. (2021), "In Memory of N.N. Strakhov: On the Characterization of His Philosophical Worldview", *N.N. Strakhov: Pro et Contra (Anthology)*, comp. S. M. Klimova, RKhGA Publishing House, St. Petersburg, Russia, 138–155 (in Russ.).
- Motownikova, E. N. (2013), "To the Metaphysics of Nikolai Strakhov's Method", *Humanities Research in the Russian Far East*, 4, 123-130 (in Russ.). EDN: SBCJCR
- Saint Maximus the Confessor (2021), *Voprosootvety k Falassiyu* [Questions and Answers to Thalassius], trans. from Greek by A. I. Sidorov, Sibirskaya Blagozvonitsa, Moscow, Russia (in Russ.).
- Snetova, N. V. (2013), *Nikolai Strakhov: Western and Russian Thought as Interpreted by an Organicist*, Perm State National Research University Press, Perm, Russia (in Russ.).
- Snetova, N. V. (2010), *The Philosophy of N. N. Strakhov (An Attempt at an Intellectual Biography)*, Perm University Press, Perm, Russia (in Russ.). EDN: QWVZOB

Strakhov, N. N. (2007), *Mir kak tseloye, cherty iz nauk o prirode* [The World as a Whole: Sketches from the Natural Sciences], Airis-Press: Airis-Didaktika, Moscow, Russia (in Russ.).

Strakhov, N. N. (1896), "Notes on Taine", in Strakhov N.N., *Borba s Zapadom v nashey literature. Knizhka tretya*, [The Struggle Against the West in Our Literature, Book Three], S. Dobrodeev's Printing House, St. Petersburg, Russia, 123–160 (in Russ.).

Strakhov, N. N. (1906), "On Time, Number, and Space", in Strakhov, N. N., *Filosofskiye ocherki* [Philosophical Essays], I. P. Matchenko Publishing House, Kyiv, Russia, 401–430 (in Russ.).

Strakhov, N. N. (1872), "Translator's Preface (On the Purely Empirical Method)", in Taine, H., *On Intelligence*, translated from the French and edited by N. N. Strakhov, in two volumes, Vol. 1, published by A. S. Gieroglifov, St. Petersburg, Russia, I–XXVII (in Russ.).

Zaborov, P. R. (1982), "Hippolyte Taine in Russia (Materials for a History of Reception)", *Epokha realizma. Iz istorii mezhdunarodnykh svyazey russkoy literatury*, [The Age of Realism: From the History of International Connections of Russian Literature], ed. Academician M. P. Alekseev, Nauka, Leningrad, USSR, 227–271 (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.
Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Александра Витальевна Тоичкина, кандидат филологических наук, доцент кафедры славянской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., д. 7–9, г. Санкт-Петербург, 199034, Российская Федерация; a.toichkina@spbu.ru
ORCID ID: 0000-0002-3723-1553

ABOUT THE AUTHOR:

Alexandra V. Toichkina, PhD (Philology), Associate Professor of the Department of Slavic Philology, Saint Petersburg State University, 7-9 Universitetskaya Emb., Saint Petersburg, 199034, Russian Federation; a.toichkina@spbu.ru
ORCID ID: 0000-0002-3723-1553.